

БОРЬБА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ С МУСУЛЬМАНСКИМ ДУХОВЕНСТВОМ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ В 20-30-е ГОДЫ XX ВЕКА: ОТ СТАТУСА «ЛИШЕНЦЕВ» ДО «УЧАСТНИКОВ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ»

Шаповал Юлия Васильевна

Shapoval74@mail.ru

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
(Нур-Султан, Казахстан)*

Shapoval Yulia

Shapoval74@mail.ru

*L.N. Gumilyov Eurasian National University
(Nur-Sultan, Kazakhstan)*

Аннотация. Статья посвящена методам и стратегиям борьбы советской власти с мусульманским духовенством на материалах г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области. Цель статьи – показать нарастание репрессий от методов правовой дискриминации в виде отнесения мусульманского духовенства к категории «лишенцев» до карательно-репрессивных методов НКВД, фабриковавших групповые дела по обвинению духовенства в организации и участии в контрреволюционных организациях, направленных на свержение советской власти. Основным методом исследования являлся метод исторической реконструкции, источниковой базой исследования-архивные материалы следственных дел реабилитированных мусульманских священнослужителей.

Мусульманское духовенство г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области были активными субъектами религиозной и социальной жизни региона со своим видением общественного развития, которое не коррелировало с проектами радикального переустройства мира большевиков, где не было место религии. Антирелигиозная политика советского власти включала комплекс пропагандистских, дискриминационных и карательно-репрессивных мер, направленных на подрыв влияния духовенства в обществе и, в итоге, на его физическое уничтожение. В ходе усиления репрессий мусульманское духовенство выступало не только объектами репрессивной политики, но и, сохраняя свою субъектность, выстраивали стратегии защиты религии, как через правовые инструменты в виде официальных обращений к властям, так и через практику «нелегальных мечетей», «подпольных мулл», «бродячих мулл». Автор полагает, что реабилитация мусульманского духовенства должна включать восстановление субъектности мусульманских священнослужителей, что выражается в восстановлении их имен, реконструкции их биографий, применяемых ими стратегий защиты религии, восстановлении их дискурсов о советской власти.

Ключевые слова: мусульманское духовенство, «лишенец», правовая дискриминация, карательно-репрессивные методы, контрреволюционная организация, стратегии защиты.

Введение

Влияние советской политики на ислам в Казахстане, начиная от исламских институтов, заканчивая повседневной жизнью мусульман, было большим и разрушительным, отголоски которого ощущаются и на современном этапе. В то же время, до сих пор мы не имеем полной картины антирелигиозной политики советского государства, ее нормативно-правовой основы, методов ее осуществления на разных этапах существования советской власти, реальных масштабов ее воздействия на функционирование ислама, как на институциональном уровне, так и личностном уровне судеб представителей мусульманского духовенства, которые были носителями религиозных кодов жизнеустройства и транслировали их мусульманскому населению. В немногочисленных исследованиях, посвященных исламу в советских центрально-азиатских республиках, в центре внимания ученых был, в большей степени, Узбекистан – «как республика с самой высокой плотностью населения, большой долей оседлых жителей и репутацией самой «исламской» республики в Центральной Азии» [1, с.106]. Соответственно, такие исследователи как А. Халид [1], Ш. Келлер [2], Ф.М. Мухаметшин, С.Н. Абашин, Б. М. Бабаджанов и др. [3] приводили яркие факты, статистику, кейсы, в основном связанные с Узбекистаном, уделяя значительно меньше внимания исламу в кочевых регионах, таких как большая часть Казахстана. Необходимо отметить, что и представители советской власти, как свидетельствуют опубликованные документы считали, что «Ислам столь прочно, как у узбеков, в киргизский аул не проник» [4, с. 112]. Я. Рой в своей известной книге, посвященной исламу в СССР, представил географически более целостную картину ислама в советских республиках Центральной Азии, но на материалах другого временного промежутка – от второй мировой войны до периода перестройки в середине 1980-х годов [5].

Главной причиной недостаточной изученности темы ислама в период советской власти в Центральной Азии в целом, и в Казахстане в частности, является отсутствие доступа исследователей к архивным материалам органов государственной безопасности, которые остаются засекреченными. Для целостного осмысления советского периода в истории Казахстана, Президентом РК К.-Ж. Токаевым была инициирована Государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий, включая представителей духовенства, одна из целей которых рассекречивание материалов, касающихся массовых репрессий сталинско-большевистского режима и на

этой основе изучение и реконструкция данного исторического периода «радикального переустройства мира» [1, с. 79], сопровождающегося массовыми репрессиями различных категорий населения, включая священнослужителей всех конфессий и религий, в том числе ислама.

Как известно, антирелигиозная пропаганда была широко применяемым методом борьбы с религией, начиная с 1920-х годов. К 1927 году по всей стране были организованы ячейки Союза воинствующих безбожников, издавались газета «Безбожник» и журнал «Безбожник». В 1928 году для большего эффекта начал издаваться указанный журнал на узбекском языке – «Худосизлар» («Безбожник»). Однако, как отмечает исследователь Ш. Келлер [2, с.162], антирелигиозная пропаганда в 1920-е годы была малоэффективной, так как направлялась директивами из Москвы, осуществлялась, в основном, представителями русского этноса и обнаруживала незнание ислама и нежелание его знать, что приводило к фундаментальным ошибкам в формулировании целей и их реализации.

В результате жесткое наступление против духовенства было осуществлено органами государственной безопасности ОГПУ, затем НКВД под руководством партийных структур, начиная с конца 1920-х годов и достигла апогея в годы большого террора – 1937-1938 гг.

В данной статье мы обратимся к анализу методов и стратегий, которые применялись советской властью в борьбе с мусульманским духовенством, с влиянием исламского фактора на население, которые развивались от придания мусульманским священнослужителям статуса «лишенцев», дискриминируемых в ряде прав до обвиняемых в организации или участии в контрреволюционных националистических мультско-байских организациях, что предполагало более серьезные меры наказания, от больших сроков исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) до расстрела. В то же время, сами мусульманские религиозные деятели нами рассматриваются не просто как пассивные объекты воздействия советской политики, а как активные субъекты, которые пытались защитить свой проект общественного устройства, основанный на нормах ислама, традиционный образ жизни народа, частью которого был ислам, и выстраивали свои стратегии защиты, начиная от апелляций к нормативно-правовым актам, заканчивая практикой «нелегальных мечетей», которая была распространена в казахской степи. На наш взгляд, на данном этапе изучения репрессий священнослужителей в советское время очень важным является восстановление субъектности жертв политических репрессий, их имен, биографий, их дискурсов защиты и сопротивления, благодаря которым ислам, по выражению Ш. Келлер [2, с. 247] пережил коммунизм.

Методология

Основным методом исследования является метод исторической реконструкции. Политика советской власти по отношению к мусульманским служащим и их реакции на нее показаны на кейсе Петропавловска и Северо-Казахстанской области. Источниковой базой исследования являются следственные дела по обвинению представителей мусульманского духовенства в Специализированном государственном архиве Управления информатизации и связи Департамента полиции Северо-Казахстанской области, фонд №16 реабилитированных. При работе с архивными материалами применялся историко-критический подход, позволяющий критически анализировать документы следствия, учитывая исторический контекст 1920-х и 1930-х годов, политическую ангажированность сотрудников ОГПУ/УНКВД, выполнявших партийные директивы, и атмосферу психологического и, часто, физического давления, которому подвергались обвиняемые и свидетели. Руководствуясь этическими нормами, в тексте приводятся данные только реабилитированных представителей духовенства, имена допрашиваемых свидетелей и сотрудников УНКВД СКО не называются. Написание имен реабилитированных священнослужителей дается исходя из их анкеты в следственном деле.

Мусульманские священнослужители Петропавловска и Северо-Казахстанской области как субъекты религиозной и социальной жизни региона в 1920-е годы

Как показал исследователь Нурбаев Ж.Е. [6], в конце XIX- начале XX века в Петропавловске активно развивались исламские институты (мечети и духовные образовательные заведения), увеличивалась численность мусульманского духовенства, была развита благотворительная деятельность и общественная инициатива (мусульманские общественные объединения), направленные на продвижение исламской образованности и культуры. Согласно статистическим материалам, в 1914 году примерное количество мулл в Петропавловске было 63, а в Петропавловском уезде – 22. Кроме того, в Петропавловске функционировало шесть соборных мечетей. При пяти соборных мечетях имелись мужские мектебы и медресе, а при 2-й соборной мечети – начальное учебное заведение для девочек. Характерной чертой Петропавловска было то, что значительную часть духовенства составляли татары, в то же время в начале XX века возросло количество казахов среди мусульманских служащих [6].

Следственные архивные материалы свидетельствуют, что в 20-е, 30-е годы мусульманское духовенство Петропавловска и соответствующей области было представлено татарами и казахами, мулл-казахов было больше в сельских районах. В административном аспекте Петропавловск и Северо-Ка-

захстанская область подчинялись Центральному Духовном Управлению мусульман с центром в Уфе. До своей смерти в 1936 году руководителем ЦДУМ был муфтий Р. Фахретдинов, который пытался выстроить политкорректные сбалансированные отношения с советским руководством, чтобы сохранить исламские институты в советском государстве. В ЦДУМ входил представитель Казахстана – казий Магкулов Магдий, репрессированный в 1937 году. Согласно известному докладу «Мусульманское духовенство в Средней Азии в 1927 г.», который был подготовлен ОГПУ для Средазбюро ЦК ВКП (б) в конце 1920-х годов советская власть была обеспокоена усилением влияния ЦДУМ не только в Казахстане, но и в Киргизии [4, с. 112-114], и, соответственно, направила усилия на подрыв ЦДУМ.

Мусульманское духовенство г. Петропавловска было достаточно образованным и активным, часть имамов имела высшее духовное образование, значительная часть окончила средние духовные учебные заведения (медресе). Обратимся к биографическим данным некоторых имамов. Имамом мечети № 4 был татарин Абдрашитов Мухаметхафиз. Он родился в 1872 году в г. Петропавловске в семье имама. По его словам, с 15 лет он учился в духовных учебных заведениях Петропавловска, потом в 1894 году поехал в Бухару, где получил высшее духовное образование, после этого вернулся в родной город и стал работать имамом мечети № 4. Кроме того, он открыл книжный магазин духовной книги, которые поступали к нему по заказу из Казанской типографии [7]. Среди крупных имамов Петропавловска был и Абдулзалилов Мухамедсейт (в материалах следственного дела также встречается написание имени как Мухамед-Саид), который выполнял функции мухтасиба ЦДУМ в Петропавловске. Согласно анкете в архивном деле, он родился в 1868 году в г. Петропавловске, то же имел высшее духовное образование, которое получил в Бухаре. Абдулзалилов Мухамедсейт был крупным татарским богословским авторитетом [8]. Бегишев Мухамеджан, татарин, 1867 года рождения, был также крупным муллой, имамом казахской мечети № 3 г. Петропавловска [9]. Агисов Магдий, казах, 1880 г.р., имел среднее духовное образование, был имамом казахской мечети в г. Петропавловске [10].

Мусульманские священнослужители г. Петропавловска активно занимались обучением детей. Например, Бегишев Абдулзалиль Газизович. Его отец был крупным муллой – Газиз Мустафинович Бегишев. Сам Абдулзалиль с 7 лет учился сначала в Петропавловске, а затем в 1911 году поехал учиться в Константинополь, где окончил среднее духовное учебное заведение (медресе) на татарском языке. С 1913 года значительную часть своей жизни посвятил обучению детей, в 1928 года становится имамом мечети № 5 г. Петропавловска [11].

Многие имамы, муллы, мутавалли, муэдзины г. Петропавловска занимались торговлей, поэтому в архивных материалах встречается «мулла, бывший торговец».

Религиозная жизнь была достаточно активной в сельских районах, прилегающих к Петропавловску, об этом свидетельствуют следственные дела. Например, в Бейнеткорском районе были такие муллы, по национальности казахи, как Амренов Мажит (1881 г.р.), Бейсембаев Касым (1880 г.р.), Кембаев Ешкой (1887 г.р.), Ордыбаев Абдукарим (1880 г.р.), Оспанов Абдрахман (1872 г.р.). Все перечисленные муллы имели среднее духовное образование. Сельские муллы часто занимались, кроме религиозных обязанностей, сельским хозяйством. Определенная часть сельских мулл в следственных делах обозначались как «мулла, бывший бай». В некоторых случаях даже шло перечисление скота, которое было в личном пользовании муллы. В этом отношении яркой иллюстрацией является биография сельского муллы Торежанова Сейткожа, казаха, 1873 года рождения. Он был родом из местечка, которое стало колхозом «Енбек» Сталинского района СКО, затем проживал в аулсовете № 5 Москаленского района Омской области. Он имел среднее духовное образование. Приведем его биографический нарратив из материалов дела: «Я до революции занимался скотоводством, в 1917 году начал работать муллой Карабулакской волости, и работал до 1919 года. С конца 1919 года был назначен преподавателем аулсовета № 1 для начальной школы и работал до 1923 года, одновременно работая муллой. В 1923 году от преподавательской деятельности отказался, так как предлагали мне бросить религиозную работу. До 1929 года единолично работал, имел выше среднего хозяйство» [12]. Такой мулла часто попадал под категорию «мулла-бай». Торежанов Сейткожа считался крупным и влиятельным муллой СКО и прилегающих областей.

Таким образом, мусульманское духовенство г. Петропавловска и СКО было активной частью общества, выполняя религиозные, образовательные, социальные, хозяйственные функции, внося свой вклад в развитие региона. Акторство мусульманского духовенства, поддерживающее и продвигающее свое понимание общественного развития входило в диссонанс с проектом тотальной трансформации, основанном на разрушении традиционных (в том числе религиозных) ценностей, выдвинутом советской властью.

***Наступление на ислам в 1920-е- начало 1930-х годов
и стратегии защиты мусульманского духовенства
г. Петропавловска и Северо-Казахстанской области***

При анализе следственных дел служителей религиозного культа Северо-Казахстанской области обращает на себя внимание то, что многие из них были лишены избирательных прав, то есть имели статус «лишенцев». Причем, лишение избирательных прав вводилось уже в первой Конституции РСФСР 10.07.1918, принятой советской властью. В статье 65 данной Конституции было определено семь категорий лиц, лишаемых избирательных прав, сре-

ди которых были «г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов» [13]. К служителям религиозных культов относились мусульманские служители религии. Исполнительные органы на местах при определении списков «лишенцев» к духовенству в ряде случаев применяло и другие пункты статьи 65, а именно «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли»; «б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления...» [13]. Таким образом, была большая вероятность, что если мулла не лишен избирательных прав как служитель религиозного культа, то он мог стать лишенцем как бай.

Как отмечает исследователь Москаленская Д.Н. лишение избирательных прав было мерой, направленной на предотвращения влияния категорий населения, которые большевики рассматривали как угрозу своей власти, а также преследующей цель искусственного структурирования и разделения общества, поддержание в нем атмосферы конфронтации, вражды, раскола [14, с. 3]. Служители религии, в том числе ислама, воспринимались как идеологические противники, а «религиозные институты являлись независимыми очагами власти, влияния и богатства, присутствия которых новый режим терпеть не мог» [1, с. 104].

Статус лишенцев подразумевал не только дискриминацию в политических правах, ряде социальных прав, но в правоприменительной практике вел к увеличению налогообложения на «лишенцев», а в сельских районах – наложение твердых заданий по хлебо- и мясо-заготовкам, которые многие из мусульманских служителей выполнить не могли. Неуплата налогов, невыполнение твердых заданий по заготовкам вело к судимости, и следующей за ней, конфискацию имущества и ссылке. Поэтому, на момент начала «большого террора» 1937-1938 годов значительная часть мусульманского духовенства уже имела судимости или по ст. 61- уклонение от налогов, срыв заготовок или по ст. 58-10 – контрреволюционная агитация, поскольку они пропагандировали не советскую идеологию, а религию ислам.

Из названных мулл Бейнеткорского района практически все они были «лишенцами», а Амренов Мажит, который в следственном деле обозначен как бывший бай-мулла, был ранее судим по ст. 58-10 за антисоветскую агитацию, мулла Оспанов Абрахман был судим в 1931 году по этой же статье.

В Петропавловске жил мулла, татарин Бикбаев Хафиз, который был родом из Пензенской губернии, служил имамом до 1929 года в одной из деревень Челябинской области. Как служитель религиозного культа он был «лишенцем», на него был наложен индивидуальный налог, за неуплату которого в 1930 году все его имущество было конфисковано, а он сам выслан в г. Петропавловск. Казахстан был одним из мест ссылок для таких «лишенцев» еще до репрессий 1937 года.

Следующим шагом ограничения влияния духовенства было Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях», которое регулировало деятельность религиозных организаций. Анализ данного Постановления приводит к выводу, что главной его целью являлось полное вытеснение религии из общественной сферы жизни общества, запрет осуществления социальных функций для религиозных объединений, в частности благотворительных, образовательных, культурно-просветительских, интегративных, что отражено в статье 17, и оставление за ними только функций по отправлению религиозного культа. Большим ударом для религиозных объединений в целом, и для священнослужителей, в частности, была статья 17 в, которая налагает запрет на обучение основам религии детей в кружках при религиозных общинах, и статья 18, запрещающая «преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений в государственных, общественных и частных учебных и воспитательных заведениях» [15]. Указанные статьи лишали духовенства возможности влиять на будущее поколение, воспитывать детей в соответствии с религией, передавать религиозные знания. Невозможность доносить до молодого поколения религиозные ценности было воспринято очень болезненно представителями духовенства, включая мусульманских священнослужителей.

Единственным оплотом, местом притяжения верующих оставалась мечеть, однако согласно вышеупомянутому Постановлению, культового здания можно было лишиться достаточно легко, например, вследствие расторжения договора на пользование им по причине несоответствия техническим или санитарным требованиям, невыполнения предписаний местных органов. Другой наиболее часто применяемой причиной стал пункт 36 данного Постановления, позволяющий передавать молитвенное здание для государственных и общественных надобностей по постановлению республиканского, краевого или областного исполкома.

В материалах «Дела в отношении Бекишева Мухаметжана и других» [16] содержится документ, позволяющий пролить свет на то, каким образом закрывались мечети, и, как местное мусульманское сообщество с помощью правовых механизмов пыталось противодействовать этому, выступая в качестве акторов. Данный документ представляет собой жалобу в Президиум ВЦИК РСФСР от уполномоченного общества верующих мусульман при приходе № 1 мечети г. Петропавловска Ильяс Смагаулов (также в материалах дела встречается как Исмагулов Ильяс), в которой обжалуется постановление секретариата КазЦИК от 07.02.1931 года о прекращении договора с религиозным обществом и передачи мечети № 1 г. Петропавловска для удовлетворения культурно-просветительских нужд города. И. Исмагулов, ссылаясь на вышеуказанное Постановление ВЦИК-СНК РСФСР от 08.04.1929 г., обосновывает неправомочность решения секретариата КазЦИК о закрытии мечети.

Мусульманская обществу мечети № 1 было зарегистрирована согласно всем правилам в горсовете. Оно включало примерно 300 верующих. У мечети изъяли вакуфные земли и собственность, вакуфные склады переданы городом под пекарню. Два учебных здания, в которых располагались мектебы, были приспособлены городскими властями под татарскую советскую школу и татарскую библиотеку и читальню. В распоряжении мусульманского общества прихода № 1 осталась только мечеть, которую изымают у верующих, хотя для общественных потребностей в городе имеется достаточно домов, экспроприированных у кулаков. Из материалов дела мы узнаем, что Исмагулов Ильяс был религиозным активистом, в течение 20 лет был мутавалли мечети. После вынесения постановления КазЦИК о закрытии мечети и передаче ее под общественные надобности он лично ходил по домам и собирал подписи верующих, чтобы обжаловать это решение. Этот поступок вспомнят ему, когда органы безопасности НКВД привлекут его по другому делу. Судя по материалам дела, мечеть № 1 была закрыта окончательно.

Согласно другому «Делу по обвинению Амренова Мажита и других», в котором большинство составляют муллы Бейнеткорского района, несмотря на давление местных властей, мусульманские служители «усиленно пропагандировали ислам, используя собрание верующих» [17].

В материалах «Дела по обвинению Агисова М. и Торежанова С.» при описании обстоятельств дела встречаются термин «подпольный мулла» [18], которым названы ряд бывших мулл. Это говорит о существовании практики «нелегальных мечетей», под которой подразумевались религиозные практики проводимые незарегистрированными служителями религии вне зарегистрированных религиозных обществ и культовых сооружений. Практика «нелегальных мечетей», в отличие от вышеприведенной жалобы, была уже нелегальной стратегией защиты религии. Данная практика сохранялась, как показал Я. Рой, и в остальные периоды советской власти, где всегда действовали нелегальные, подпольные муллы, которые совершали религиозные обряды. Для Казахстана Я. Рой отмечает феномен «бродячих мулл», которые странствовали и выполняли свои религиозные обязанности [5, с. 331]. Данный исследователь называет этот феномен самоорганизацией религиозной жизни, которая была свойственно исламу, с отсутствием строгой централизации в его организационных структурах.

Таким образом, с самого начала своего прихода к власти большевики проводили политику вытеснения религии и подрыва влияния мусульманского духовенства. Это выразилось в отнесении служителей религиозного культа к категории «лишенцев», что подразумевало дискриминацию в политических, социальных правах, назначение индивидуальных высоких налогов и твердых заданий по хлебо-мясо-заготовкам. Основываясь на архивных материалах, мы показали, что многие представители мусульманского духовенства были

«лишенцами», особенно те, кто были обозначены как «мулла-бай». Кроме того, по причине неуплаты индивидуальных налогов и твердых заданий по заготовках, а также в связи с продолжением религиозного служения, они были осуждены и приговорены к ссылке и конфискации имущества. Ко времени большого террора значительная часть мусульманских служителей имела уже судимость, а порой две судимости. До второй половины 1920-х годов большевики придерживались политики ограничения влияния ислама через урезание вакуфной земли, вытеснение религиозных школ и замену их советскими школами, что было закреплено в Постановлении ВЦИК-СНК РСФСР от 08.04.1929 г. В конце 1920-х годов советская власть переходит к политике прямого давления, административными методами национализируя полностью вакуфные земли, молитвенные здания, мектебы и медресе при них. С 1929 году под любым предлогом реализуется политика закрытия мечетей.

Архивные материалы свидетельствуют, что мусульманские священнослужители г. Петропавловска, Северо-Казахстанской области применяли стратегии защиты религии в виде легальных методов жалоб и обращений к властям, что не имело эффекта. Также, применялись нелегальные способы, такие как распространение практики «нелегальных мечетей», феномен «бродячих мулл».

Муллы как «организаторы и участники контрреволюционных организаций»: применение прямых карательных-репрессивных мер

Наращение репрессий против мусульманских священнослужителей в начале 1930-х годов и переход к карательным мерам НКВД был связан с осуществлением курса на коллективизацию, которая разрушала традиционные основы казахского общества, кочевой тип жизни и способ производства. Проект коллективизации и советизации аула означал тотальную трансформацию жизненного уклада и выстраивался на противопоставлении прежнему общественному устройству и типу хозяйствования. В нем не было места муллам, которые стали препятствием не только на пути советизации аула, но и советизации человека, его мировоззренческих ориентиров.

Этот виток репрессий характеризуется массовыми групповыми делами против духовенства разных религий и конфессий, включая мусульманское. Эти групповые дела сфабрикованы по одному алгоритму и ориентированы не только на применение статьи 58-10 – контрреволюционная агитация, но и на статью 58-11 – контрреволюционная организационная деятельность, а также статьи 58, п. 4, в которой говорилось об оказании помощи международной буржуазии, статья 58 п.6 – шпионаж. Как правило, НКВД вскрывало существование контрреволюционных организаций, направленных на подрыв и свержение советского строя.

В отношении мулл Бейнеткорского района СКО было сфабриковано вышеупомянутое групповое дело «Дело по обвинению Амренова Мажита и других». В обвинительном заключении говорилось: «В Бейнеткорском районе СКО существовала контрреволюционная националистическая ячейка под руководством бывшего бая/имама, в данное время муллы... Амренова Мажита» [19]. В эту контрреволюционную ячейку входили следующие муллы: Амренов Мажит, Ордыбаев Абдыкарим, Амренов Назымжан, Бейсембаев Касым, Кембаев Ешкей, Оспанов Абдрахман. Их обвиняли в проведении работы по подрыву колхозного строя, разложении трудовой дисциплины, срыв колхозных мероприятий, дискредитации сталинской Конституции. Данная контрреволюционная ячейка, исходя из обвинительного заключения была частью разветвленной контрреволюционной мульско-байской группировки, охватывающей ряд районов области, цель которой свержение существующего советского строя при помощи мировой буржуазии, создание буржуазно-демократического самостоятельного мусульманского государства. Постановлением Тройки УНКВД СКО от 13 сентября 1937 года все перечисленные муллы были приговорены к ВМН-расстрелу, кроме Оспанова А., который был приговорен к 10 годам лишения свободы, но в ноябре 1937 года умер в тюрьме Петропавловска.

Следующее групповое дело – «Дело по обвинению Бекишева Мухаметжана и других» было аналогичным. Обвинение также строилась на том, что муллы входили в контрреволюционную ячейку г. Петропавловска, которая была частью большой контрреволюционной организации на территории Северо-Казахстанской области, которая была создана по линии ЦДУМ. Цель контрреволюционной организации – свержение советской власти, образование буржуазного мусульманского государства при помощи извне. Дело также рассматривалось Тройкой УНКВД СКО. Было осуждено семь мулл. Из них пять мулл, а именно Абдулзалилов Мухаметсейит, Бегишев Мухаметжан, Абдрашитов Мухаметхафиз, Бикбаев Хафиз, Исмагилов Ильяс, были приговорены к расстрелу. Двое мулл, Гимадетдинов Ахтям, Бегишев Абдулзалил приговорены к 10 годам исправительно-трудовых работ (ИТЛ).

Еще одно групповое дело «Дело по обвинению Агисова М. и Торежанова С.» было открыто против мулл Агисова Магдий и Торежанова Сейиткожа, которые обвинялись в том, что возглавляли упомянутую выше контрреволюционную организацию на территории СКО и Омской областях и были связаны с руководством ЦДУМ, ряд членов которого к тому времени были объявлены агентами японской разведки. Тройка УНКВД СКО приговорила указанных представителей мусульманского духовенства к расстрелу.

В перечисленных делах содержится указание на то, чтобы попутно возбуждать дела на других представителей мусульманского духовенства, имена которых фигурировали в деле. Соответственно, групповых дел по данной «контрреволюционной организации» было еще больше.

Таким образом, в 1937 году карательно-репрессивная машина НКВД физически ликвидировала в рамках сфабрикованных групповых дел большое количество представителей мусульманского духовенства. До настоящего времени мы не знаем точного количества репрессированных мусульманских служащих, пока можем оперировать примерными цифрами. В Северо-Казахстанской области в списках МВД числится 41 человек, которые были имамами, муллами, муэдзинами, мутавалли, чья жизнь и деятельность связаны с СКО. Эти представители мусульманского духовенства были реабилитированы. В перечисленных делах мы насчитали еще 61 имя мусульманских служащих из Северо-Казахстанской области и Омской области, по некоторым из них в дальнейшем были возбуждены новые групповые дела.

По вышерассмотренным трем групповым делам, направленных против мусульманского духовенства СКО, а в конечной цели – против прежнего руководства ЦДУМ, перечисленные мусульманские священнослужители были реабилитированы в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-х-40-х и начале 50-х годов».

Необходимо отметить, что родственники перечисленных мусульманских служащих не знали о расстрельных приговорах. Из материалов дел следует, что на обращение родственников, массово последовавших после разоблачения культа личности Н.С. Хрущевым, часто давался ответ, что репрессированные родственники были приговорены к разным срокам ИТЛ и умерли в лагере от болезней.

Заключение

На примере Северо-Казахстанской области, мы показали какими методами велась борьба с мусульманским духовенством в период массовых репрессий в 20-30е годы XX века. С самого начала большевики воспринимали религиозных деятелей как идеологических противников, соответственно, они были отнесены к дискриминируемой в правах категории «лишенцев» с наложением на них индивидуальных налогов и твердых заданий по хлебозаготовкам, которые многие не могли выполнить и подвергались за это суду, высылке с конфискацией имущества. В дальнейшем политика советской власти была направлена на подрыв влияния мусульманского духовенства на население, что включало национализацию вакуфной собственности, ограничение деятельности, а затем ликвидацию религиозных школ, закрытие мечетей, а по Постановлению ВЦИК-СНК РСФСР 1929 года вытеснение религиозных организаций из общественной жизни. В 1930-е годы, видя недостаточную эффективность антирелигиозной пропаганды, органы НКВД перешли

к прямым карательно-репрессивным мерам, фабрикуя групповые дела по организации контрреволюционных мусульманско-байских организаций, где мусульманские служители были уже не просто «лишенцами», а организаторами или участниками контрреволюционных группировок, за что Тройками НКВД приговаривались к расстрелу. Нами было приведено несколько таких дел, относящихся к 1937 году.

Необходимо отметить, что мусульманское духовенство выстраивало стратегии защиты религии в условиях антирелигиозной политики и репрессий, применяя как правовые инструменты, подавая письма, жалобы в партийные органы, так и нелегальными методами – продолжая религиозная служение через практику «нелегальных мечетей», «бродячих мулл».

Статья выполнена в рамках реализации проекта программно-целевого финансирования «Массовые политические репрессии в Казахстане в 20-50-х гг. XX в. и процессы реабилитации: создание единой базы данных».

Список литературы

1 Халид А. Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии. – М., Новое литературное обозрение, 2010. – 304 с.

2 Keller, Sh. To Moscow, Not Mecca. The Soviet campaign against Islam in Central Asia, 1917-1941. – London, 2001. – 270pp.

3 Мухаметшин Ф.М. и др. Россия и Средняя Азия: Политика и ислам в конце XVIII – начале XXI. М., Издательство Московского университета, 2013. – 480 с.

4 Арапов Д.Ю.(сост.) Ислам и советское государство (1917-1936). Сборник документов. Вып. 2. – М., Издательский дом Марджани. – 208 с.

5 Ro`I Ya. Islam in the Soviet Union. From the Second World War to Gorbachev. – London: Hurst&Company, 2000. – 740 pp.

6 Нурбаев Ж.Е. Истоки формирования институтов ислама в Северном Казахстане (на материалах Петропавловского уезда Акмолинской области)// «edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы. – 2016. – № 1 (05)// <https://edu.e-history.kz/kz/publications/view/360>. (Дата обращения: 26.10.2021).

7 Специализированный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции СКО. Ф.16 б/о. Д. № 1081. Л. 30, 32.

8 Специализированный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции СКО. Ф.16 б/о. Д. № 1081. Л. 17.

9 Специализированный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции СКО. Ф.16 б/о. Д. № 1081. Л. 23.

10 Специализированный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции СКО. Ф.16 б/о. Д. № 1114. Л. 109.

11 Специализированный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции СКО. Ф.16 б/о. Д. № 1081. Л. 82.

12 Специализированный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции СКО. Ф.16 б/о. Д. № 1114. Л. 207.

13 Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, 10.07.1918 г.// <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm/> (Дата обращения: 15.09.2021).

14 Москаленская Д.Н. Православные священно- и церковнослужители – «лишenci» Западной Сибири в середине 1920-х-середине 1930-х годов: статус, облик, поведение. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Новосибирск, 2017. – 227с.

15 «О религиозных объединениях» Постановление ВЦИК-СНК РСФСР, 8 апреля 1929 года//https://www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0007_rel&object=translation&l=ru. (Дата обращения: 20.10.2021).

16 Специализированный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции СКО. Ф.16. б/о. Дело № 1081. Л.1.

17 Специализированный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции СКО. Ф.16 б/о. № 2314. Л.81.

18 Специализированный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции СКО. Ф.16. б/о. Дело № 1114.

19 Специализированный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции СКО. Ф.16 б/о. Д.№ 2314. Л. 146.

Transliteration

1 Halid A. Islam после kommunizma: Religija i politika v Central'noj Azii. [Islam After Communism: Religion and Politics in Central Asia] – М., Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 304 s.

2 Keller, Sh. To Moscow, Not Mecca. The Soviet campaign against Islam in Central Asia, 1917-1941. – London, 2001. – 270pp.

3 Muhametshin F.M. i dr. Rossiya i Srednjaja Azija: Politika i islam v konce XVIII – nachale XXI.[Russia and Middle Asia: Politics and Islam in the End of XIX- Beginning of XX c.]. – М., Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2013. – 480 s.

4 Arapov D.Ju.(sost.) Islam i sovetskoe gosudarstvo (1917-1936). Sbornik dokumentov. Vyp. 2.[Islam and Soviet State (1917-1936)]. – М., Izdatel'skij dom Mardzhani. – 208 s.

5 Ro' I Ya. Islam in the Soviet Union. From the Second World War to Gorbachev. – London: Hurst&Company, 2000. – 740 pp.

6 Nurbaev Zh.E. Istoki formirovaniya institutov islama v Severnom Kazahstane (na materialah Petropavlovskogo uezda Akmolinskoj oblasti) [The Origins of the Formation of Islamic Institutions in Northern Kazakhstan (Based on Materials From the Petropavl District of Akmola Region)] // «edu.e-history.kz» jelektronnyj rylymi zhurnaly. – 2016. – № 1 (05)// <https://edu.e-history.kz/kz/publications/view/360>. (Дата obrashhenija: 26.10.2021).

7 Specializirovannyj gosudarstvennyj arhiv Upravlenija informatizacii i svjazi Departamenta policii SKO. F.16. b/o. D. № 1081. L. 30, 32.

8 Specializirovannyj gosudarstvennyj arhiv Upravlenija informatizacii i svjazi Departamenta policii SKO. F.16 b/o. D. № 1081. L. 17.

9 Specializirovannyj gosudarstvennyj arhiv Upravlenija informatizacii i svjazi Departamenta policii SKO. F.16 b/o. D. № 1081. L. 23.

10 Specializirovannyj gosudarstvennyj arhiv Upravlenija informatizacii i svjazi Departamenta policii SKO. F.16 b/o. D. № 1114. L. 109.

11 Specializirovannyj gosudarstvennyj arhiv Upravlenija informatizacii i svjazi Departamenta policii SKO. F.16 b/o. D. № 1081. L. 82.

12 Specializirovannyj gosudarstvennyj arhiv Upravlenija informatizacii i svjazi Departamenta policii SKO. F.16 b/o D. № 1114. L. 207.

13 Konstitucija Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki, 10.07.1918 g.// <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm/> (Дата obrashhenija: 15.09.2021).

14 Moskalenskaja D. N. Pravoslavnye svjashhenno- i cerkovnosluzhiteli – «lishency» Zapadnoj Sibiri v seredine 1920-h-seredine 1930-h godov: status, oblik, povedenie [Orthodox Priests and Clergy – “disenfranchised” of Western Siberia in the Middle of 1920-middle of 1930s Years: Status, Appearance, Behavior]. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. - Novosibirsk, 2017. – 227s.

15 «О религиозных об#единениях» Postanovlenie VCIK-SNK RSFSR, 8 aprolja 1929 godahttps [On Religious Associations. Resolution of the all-Russian Central Executive Committee of the RSFSR] //www.1000dokumente.de/?c=dokument_ru&dokument=0007_rel&object=translation&l=ru. (Data obrashhenija: 20.10.2021).

16 Specializirovannyj gosudarstvennyj arhiv Upravlenija informatizacii i svjazi Departamenta policii SKO. F.16. b/o. Delo № 1081. L.1.

17 Specializirovannyj gosudarstvennyj arhiv Upravlenija informatizacii i svjazi Departamenta policii SKO. F.16 b/o. № 2314. L.81.

18 Specializirovannyj gosudarstvennyj arhiv Upravlenija informatizacii i svjazi Departamenta policii SKO. F.16. b/o. Delo № 1114.

19 Specializirovannyj gosudarstvennyj arhiv Upravlenija informatizacii i svjazi Departamenta policii SKO. F.16 b/o. D.№ 2314. L. 146.

Шаповал Ю.В.

XX ғасырдың 20-30 жылдарында Солтүстік Қазақстандағы кеңестік өкіметтің мұсылман дін басыларымен күресі: «мақұрымдар» мәртебесінен «контрреволюциялық ұйым мүшелеріне» дейін

Аңдатпа. Мақала Петропавл қаласы мен Солтүстік Қазақстан облысы материалдары негізіндегі кеңестік өкіметтің мұсылман дін басыларына қарсы күрес әдістері мен стратегияларына арналады. Мақаланың мақсаты – мұсылман дін басыларын «мақұрымдар» санатына жатқызу тәрізді құқықтық кемсіту әдісінен кеңестік өкіметті құлатуға бағытталған контрреволюциялық ұйымға қатысушылар мен оны ұйымдастырушылар айыбын тағу бойынша топтық істерді құрастырған ХПК-тің жазалушы-репрессивті әдістеріне дейінгі жазалау шараларының ұлғайуын көрсету. Негізгі зерттеу әдісі – тарихи жаңғырту әдісі, зерттеудің дереккөз базасы – ақталған және оңалтылған мұсылман діни қызметкерлердің тергеу істері туралы мұрағаттық құжаттар.

Петропавл қаласы мен Солтүстік Қазақстан облысының мұсылман дін басылары большевиктердің дінге орын жоқ, әлемді түбегелі қайта құру жобаларымен сәйкес келмейтін өздерінің қоғамдық даму көзқарастары бар аймақтың діни және әлеуметтік өмірінің белсенді субъектілері болды. Кеңестік өкіметтің дінге қарсы саясаты қоғамдағы дін басыларының әсерін жоюға бағытталған насихаттық, кемсітушілік және жазалаушы-репрессивтік тәсілдер кешенінен тұрды, нәтижесінде, толық физикалық жоюға бағытталды. Жазалау шараларының күшейуі барысында мұсылман дін басылары қуғын-сүргін саясатының объектісі ғана болып қалған жоқ, сонымен қатар, өзінің субъектілігін сақтай отырып өкіметке ресми үндеу түрінде құқықтық құрал, «астырттын мешіттер», «жасырын молда», «кезбе молда» тәжірибелері арқылы дінді қорғау стратегиясын құрды. Автордың ойы бойынша, мұсылман дін басыларын ақтау және оңалту мұсылман діни қызметкерлерінің субъектілігін қалпына келтіруден басталу керек, яғни, олардың есімдерін қайтару, олардың дінді қорғау стратегиясын қолдана отырып өмірбаянын қайта жазу, олардың кеңестік өкімет туралы дискурстарын қалпына келтіру.

Түйін сөздер: мұсылман дін басылары, «мақұрымдар», құқықтық кемсіту, жазалаушы-репрессивті әдіс, контрреволюциялық ұйым, қорғау стратегиясы.

Shapoval Y.

The Struggle of the Soviet Power Against the Muslim Clergy in Northern Kazakhstan in the 20-30s of the XX Century: From the Status of ‘Disenfranchised’ to ‘Participants of Counter-Revolutionary Organizations’

Abstract. The article is devoted to the methods and strategies of the struggle of the Soviet government against the Muslim clergy based on the materials of the city of Petropavlovsk and the Northern Kazakhstan region. The purpose of the article is to show the growth of repression from methods of legal discrimination in the form of classifying the Muslim clergy as “disenfranchised” to the punitive and repressive methods of the National Security Forces (NKVD), which fabricated group investigative deals on accusations of the clergy as organizers and participants in counterrevolutionary organizations for overthrowing Soviet power. The main research method was the method of historical reconstruction, the source base of the research was archive materials of the investigative deals of rehabilitated Muslim priests.

The Muslim clergy of Petropavlovsk and the Northern Kazakhstan region were active subjects of the religious and social life of the region with their own vision of social development, which did not correlate with the projects of a radical transformation of world by the Bolsheviks, where there was no place for religion. The anti-religious policy of the Soviet government included a set of propaganda, discriminatory and punitive-repressive measures aimed at undermining the influence of the clergy in society and, as a result, at its physical destruction. In the course of the intensification of repressions, the Muslim clergy acted not only as objects of a repressive policy, but also, while retaining their subjectivity, built strategies for protecting religion both through legal instruments in the form of official appeals to the authorities, and through the practice of “illegal mosques”, “underground mullahs”, “itinerant mullahs”. The author believes that the political rehabilitation of the Muslim clergy should include the restoration of the subjectivity of Muslim clergy, which is expressed in the reveal of their names, the reconstruction of their biographies, the defense strategies which they use, and the recovery of their discourses about Soviet power.

Key words: Muslim clergy, “disenfranchised”, legal discrimination, punitive and repressive methods, counter-revolutionary organization, defense strategies.